

А. В. Курьянович

ОБРАЗ ЭПИСТОЛЯРИЯ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА: ОПЫТ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО И МЕТАЖАНРОВОГО ОПИСАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XX–XXI ВВ.)

На материале писем языковых личностей элитарного типа речевой культуры (М. В. Нестерова, Ф. И. Шаляпина, В. И. Вернадского, М. И. Цветаевой, Ю. М. Лотмана, Д. Д. Шостаковича, В. С. Высоцкого, В. П. Астафьева, Д. С. Лихачёва, А. С. Демидовой) моделируется образ русского эпистолярия. Моделирование образа жанра как составляющей речевого сознания носителей языка осуществляется в аксиологическом аспекте с опорой на метажанровые комментарии перечисленного круга адресантов – лучших представителей русской творческой интеллигенции XX–XXI вв.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, письмо как тип текста, аксиологический аспект рассмотрения, метажанровые комментарии, языковая личность элитарного типа речевой культуры.

В современной лингвистике одним из актуальных направлений можно считать *жанроведческие* исследования (Н. Д. Арутюнова, А. Г. Баранов, А. Вежицкая, В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева и др.). Предмет их рассмотрения составляют типовые формы, объединенные на основании тематического, композиционного и стилистического критериев (М. М. Бахтин) и репрезентирующие определенную сторону деятельности речевого сознания носителей языка.

Жанровая форма формируется на протяжении длительного времени и является отличительной приметой исторической эпохи. Изменения в жизни общества обуславливают динамику жанровой системы языка. Для каждой сферы коммуникации существует свой «набор» жанров, которые в полной мере отражают сущность и релевантные для данной сферы общения черты. Одним из критериев сформированности и «зрелости» той или иной жанровой формы выступает ее способность реализовать свой потенциал и быть востребованной в разных сферах коммуникации.

Огромными возможностями в этом плане обладает *эпистолярный* – комплексный жанр, обеспечивающий письменную дистантную межличностную коммуникацию и насчитывающий длительную историю своего существования. Сегодня, в соответствии с требованиями времени, наблюдаются стилистические трансформации канонической модели эпистолярного жанра, приводящие к «корректировке» структурно-композиционного построения эпистолярных текстов, их функциональной программы, прагматической сущности, типологической характеристики. При этом *письмо* как тип текста остается активно востребованным в практике межличностной коммуникации, принадлежит к числу тех культурно значимых жанров, «которые, претерпевая модификации, живут долго или даже являются коммуникативными константами» [1,

с. 262]. Эпистолярный с полным правом можно отнести к числу «свободных» (М. М. Бахтин) жанров, позволяющих автору «много что привнести от себя» [2, с. 181]. По степени «предоставляемости жанром свободы самовыражения автора» и «восприятия мира / ситуации общения / собеседника» эпистолярный относится к жанрам с широкой «аспектуацией» [3, с. 182], имеющим неограниченные возможности в плане того, «что они дают языковой личности» [там же].

Высокая степень востребованности эпистолярных текстов (ЭТ) объясняется некоторыми особенными чертами, присущими исключительно этой разновидности письменно-речевых произведений. Важным фактором здесь выступает такое свойство ЭТ, как *синкретизм* – способность объединять в своей характеристике разные, но не противоречащие друг другу свойства. Это проявляется, в частности, в содержательно-тематическом полифонизме, многообразии иллюкутивных авторских установок, множественности категории эпистолярного адресата, сложном характере эпистолярного диалогизма, разнообразной палитре языковых средств репрезентации авторского замысла, наконец, – стилистической маркированности текстов. Широкий спектр *функциональных возможностей* позволяет ЭТ находить применение не только в разговорной, но и в других сферах человеческого взаимодействия: литературно-художественной, научной, официально-деловой, религиозной, рекламной, пиар-коммуникации. Подобная *полидискурсивность* эпистолярия, предполагающая его стилистическую обработанность при условии сохранения жанрового канона и разграничение в результате этого *аутентичных* (разговорных) и *неаутентичных* (дискурсивно обусловленных) речевых произведений (подр.: [4, с. 57–68]), в первую очередь определяет его активность в пространстве межличностной коммуникации. В результате дискурсивизации (попадания в сферу «неродной» коммуникации) и раз-

вития в ЭТ стиливого синкретизма (объединения нескольких стиливых начал) наблюдается расширение его прагматических, функциональных свойств, смыслового поля, за счет чего возрастает коммуникативный потенциал речевого произведения в целом.

Помимо названных, эпистолярий обладает также признаками *поликодности* (способностью манифестировать свою коммуникативную сущность посредством разных семиотических кодов – вербального и графического) и *полнофункциональности*. В последнем случае имеется в виду представленность эпистолярия в различных сферах жизнедеятельности человека (профессиональной, творческой, дружеской, бытовой и пр.), ориентированных на межличностное взаимодействие представителей всех типов речевой культуры, которые владеют навыком письменной речи.

Эпистолярий – универсальная жанровая форма, репрезентированная в дискурсах разных типов в силу таких признаков, как стандартизированность, клишированность, воспроизводимость. Явление такого рода представляет собой «стереотипный образно-ассоциативный комплекс» (В. Н. Телия), значимый для определенного социума и актуализирующий при своем использовании определенные смыслы в сознании представителей данного социума. Значимым является факт присутствия в сознании носителей данного языка *модели (инварианта) жанра*. Отличительной особенностью инварианта ЭТ является жесткая степень детерминированности *экстралингвистическими факторами*. К числу последних относятся следующие: специфика авторской коммуникативной установки, характер взаимоотношений коммуникантов и их статусно-ролевых свойств, жанровой принадлежности текстов, их идейно-тематической направленности. Отметим также, что освещение переписки автора с разными корреспондентами должно осуществляться с обязательным учетом широкого исторического (политического, социально-экономического и культурного) контекста и пресуппозиционного фона (событий частной жизни коммуникантов в рамках определенного временного среза).

Неотъемлемой частью речевого сознания носителей языка выступает «интуитивная жанровая рефлексия» (Т. В. Шмелева), позволяющая воссоздать *образ* того или иного жанра в таком виде, в котором жанр репрезентируется на данный момент развития языка в рамках определенной лингвокультуры, а также проследить его динамику: «В сознании пишущих присутствует некий образ жанра, и они эксплицируют его отдельные стороны» [5, с. 89].

В картину мира, конструируемую в текстах определенного жанра, входят «фактуальная инфор-

мация о самом жанре и ценностное отношение к нему» [3, с. 180]. Эпистолярий, рассматриваемый в аспекте ценностных (аксиологических) характеристик, представляет особый предмет анализа, поскольку объединяет в себе «аксиологически полярные пласты человеческого сознания – научную и утилитарно-бытовую картины мира» [там же]. Научный подход к эпистолярию связан с формированием теории его научного осмысления, выделения универсальных принципов построения, семантической организации и функционирования [4]. Утилитарно-бытовой – с использованием ЭТ в первую очередь в сфере разговорно-письменной коммуникации, генетически их обусловившей.

По нашему мнению, осмысление жанра в *аксиологическом* ключе осуществляется посредством его *метажанрового* описания носителями языка. Эпистолярий имеет устойчивую традицию своего метаописания в сознании языковых личностей разных типов. Его *метаязыковая функция* «проявляется в свойстве быть средством исследования и описания языка в терминах самого языка. Данная функция отражает работу языкового сознания носителей языка – участников эпистолярной коммуникации. В метаязыковых комментариях говорящие могут оценивать слово или его уместность в речи, мотивировать свой выбор решения, подчеркивать индивидуальные оттенки смысла» [6, с. 148].

Рассмотрим составляющие образа эпистолярия, репрезентированные в метатекстовых комментариях в рамках эпистолярной текстовой деятельности носителей *элитарного типа речевой культуры* (см. работы И. А. Иванчук, Г. Г. Инфантовой, И. С. Карабулатовой, Т. В. Кочетковой, Т. В. Романовой, О. Б. Сиротининой и др.). Данный корпус ЭТ представителей русской творческой интеллигенции XX–XXI вв. имеет колоссальную филологическую и историко-культурную ценность. Письма – неисчерпаемый источник сведений о жизни и творчестве талантливых людей, известных далеко за пределами России. С другой стороны, это богатейший фактический материал, рассказ «из первых рук» о событиях исторического масштаба. Это также своеобразная «лаборатория» языка, в полной мере способствующая его динамике. Наконец, это «зеркало», в котором отражается образ жанра с точки зрения его аксиологических характеристик со стороны носителей языка элитарного типа.

В силу индивидуального склада разные авторы по-разному ощущают и оценивают себя в роли эпистолярного адресанта. Например, знаменитый оперный певец Ф. И. Шаляпин, отличавшийся, по собственным словам, «природно-неистойвой ленью», был недисциплинирован и в эпистолярном общении. Об этом свидетельствуют многочислен-

ные извинения перед адресатами, присутствующие в части формульного начала писем: «Дорогой, любимый мой Алексеюшка, премного виноват я перед тобой, прости меня, окаянного, что не писал я тебе тридцать и три года» (А. М. Горькому) [7, с. 332]. Слабая степень эпистолярной активности Шаляпина как автора корреспонденции обусловлена также постоянной его занятостью на репетициях, концертах, гастроях: «Моя милая, дорогая дочурка! Я уж сколько раз собирался написать тебе хоть несколько строчек, но, к великой досаде моей, никак не мог сесть за стол – то то, то это, то другое – все мешало» (И. Шаляпиной) [7, с. 460]. Немаловажную роль играл и тот факт, что, великолепно «чувствуя» слова, Шаляпин нередко затруднялся с их выбором для выражения своих мыслей и эмоций. Об этом говорят метакомментарии в его письмах: «...некоторая застенчивость насчет писания... заставляет меня писать очень мало даже и таким людям, как, например, ты, которого я бесконечно люблю» (А. М. Горькому) [7, с. 357]. Несмотря на сказанное, отметим, что эпистолярное наследие великого русского баса обширно. В письмах разным адресатам отражается вся его бытовая, профессиональная, духовная и эмоциональная жизнь, «как поживал» и «что переживал» [7, с. 401] на разных ее этапах: «Посылаю Вам в этом письме и скорбь мою, и радость» (В. Теляковскому) [там же]. О письмах певца можно сказать словами его самого, сказанными по поводу писем М. Мусоргского: «Хорошие это письма, и хорошо они рисуют Мусоргского» [7, с. 345].

Отношение великого русского литературоведа и основоположника семиотики Ю. М. Лотмана к письмам можно назвать в принципе утилитарным, а сам процесс эпистолярной деятельности – вынужденным и необходимым из-за невозможности личного контакта: «...Вы говорили, что соскучились по Тарту. Предлагаю Вам отличное лекарство – от острого приступа ностальгии отлично помогает поездка в Тарту, от хронических болей – письмо, от небольших недомоганий – открытки. Советую умело комбинировать эти лекарства в необходимых дозах и ручаюсь, что облегчение наступит незамедлительно. Я тоже очень по Вам соскучился – даже больше, чем обычно. И, не имея возможности прибегнуть к радикальным лекарствам, ограничиваюсь эпистолярной терапией» (Б. Ф. Егорову) [8, с. 253]. Ученый постоянно извинялся перед адресатами за «неаккуратность в письмах» [8, с. 53], «эпистолярную бестолковость» [8, с. 200], говорил о своем «обычном обращении к письмам» [8, с. 75], о том, что для него «письма писать – смерть» [8, с. 140]: «Ляля, ты извини меня за краткость, но я совершенно не умею писать писем. Остается только надеяться,

что когда-нибудь встретимся и договорим все недоговоренное» (В. М. Лотман) [8, с. 17], «Простите за машинопись – я так устал, что на машинке проще – не рискую уснуть над письмом» (Б. Ф. Егорову) [8, с. 212].

Позиционируя себя как «эпистолофоба», Лотман, тем не менее, отводит эпистолярию в своей жизни значительную роль, расценивая переписку как единственно возможный в целом ряде случаев способ межличностного взаимодействия: «Если бы ты знала, что для меня значат твои письма, то ты бы меня (это, конечно, не упрек – я знаю, как ты занята) чаще ими баловала» (Л. М. Лотман) [8, с. 47].

С годами отношение ученого к диалогу посредством переписки начинает приобретать более глубокий, нежели утилитарно-прагматический, характер. В связи со смертью жены и болезнями у него обострилось чувство одиночества и, как следствие, – чувство личной привязанности к адресатам. Письма теперь воспринимаются ученым как один из немногих, доступных ему способов поддержания духовного контакта с окружающим миром: «Так и мы с тобой будем аукаться и тем ободрять один другого» (Ф. С. Сонкиной) [8, с. 411].

Очень часто в эпистолярном взаимодействии представителей русской интеллигенции XX – начала XXI в. письму приписывается некий сакральный смысл. ЭТ видится в первую очередь средством самовыражения автора и одновременно – способом сближения близких по духу людей. Такое понимание переписки присутствует в дискурсе поэта М. И. Цветаевой: «Это письмо – из породы вечного» [9, с. 600]. Письмо для Цветаевой отражает путь Души, а потому заслуживает внимательного и трепетного к себе отношения. Это – из разряда одухотворенных вещей, обладающих самостоятельной ценностью: «Тряпичный лоскут» – «даже в кавычках к моим письмам не относим!» [9, с. 626]. В идеале, по мнению Цветаевой, эпистолярное общение есть уединенное общение двух душ, общение вглубь, а не вширь: «Ваше письмо читала на кладбище. – Другого места не было, везде люди, там никто не бывает» [9, с. 618].

Актуальным в плане осмысления сакральной сущности письма русскими интеллигентами видится анализ синтагматического речевого окружения ключевой лексемы в рамках текстовых метакомментариев. Так, несомненный интерес представляет подборка эпитетов к слову *письмо*, демонстрирующих особое, трепетное отношение русского художника М. В. Нестерова к процессу эпистолярной коммуникации и его главному «фигуранту» – письму как кванту одушевленной материи: *беспорядочное, писанное от скуки, умное, очень интересное, прекрасное, хорошее, душевное, та-*

кое печальное, такое одинокое, обещанное, подробное, забавное, доброе и такое, по обыкновению, пристрастное, в небесно-голубом конверте, подробное и обстоятельное, какое милое, живое, довольное, «ругательное», любезное, большое, сердечное, неожиданное и прочее [10].

Для отдельных представителей научной интеллигенции переписка – пространство не столько личного, сколько профессионального общения, в процессе которого оформляются и получают развитие многие новаторские идеи, определяется методология научного поиска. Эпистолярный встает на службу науке. Например, для великого русского натуралиста В. И. Вернадского все его корреспонденты – в первую очередь участники общего творческого процесса и общего дела. Отсюда крайне требовательное отношение к участникам эпистолярной коммуникации: «Я очень беспокоюсь, не получая ни от Вас, ни от кого из Кабинета писем. Что у Вас? Как все идет? Писал Вам, Касперовичу, Карандееву, Ревуцкой и без ответа. Чем кончилось с Глинкой? Но главное, мне надо знать, как быть с Касперовичем... Убедите его написать – ведь невозможно так вести дело» (А. Е. Ферсману) [11, с. 27]. В частных письмах к родным также очевиден факт осмысления письма как связующего звена между близкими людьми, разделенными временем и пространством: «Так грустно быть долго без писем, мы так привыкли даже уже и при переездах быть близко связанными хотя бы письменным словом; совсем отвыкли от старых условий – даже наших отцов – когда на недели обычно при отъездах обрывалось слово» [12, с. 125]. Однако в полной мере, по мысли Вернадского, эпистолярный диалог не может заменить реальное общение: «...масса всяких таких мелочей, которые хотелось бы знать, но письма не дают. И в моих письмах тебе я чувствую, как проходят без выражения унылые огромные области переживаний» [12, с. 71].

В силу своей концептуальной и функционально-прагматической значимости в сознании носителей языка элитарного типа речевой культуры эпистолярный в ряде случаев приобретает разное стилистическое звучание: от глубоко лирического до строгого официально-делового. Например, «насквозь» лиричен эпистолярный цикл В. С. Высоцкого, обращенный ко второй жене, Л. Абрамовой: «P. S. Нет! Еще хочу что-нибудь написать. Когда пишу, как будто разговариваю» [13, с. 257], «Теперь вроде с приездами не получится, видимо, не выгорело, и письма к тебе, лапик, потекут беспрерывным бурным потоком» [13, с. 260]. Предметом для эпистолярного повествования может стать, по мысли автора, что угодно: «...просто пишу про все и все» [там же]. Малейшая возможность при-

становления / прекращения эпистолярного диалога переживается автором крайне тяжело: «Самое ужасное, что нет никаких вестей от вас, и я даже не знаю, как пошлю это письмо, – почты здесь тоже нет» [13, с. 272], «...пиши мне чаще, ты обещала. Каждый день спрашиваю на почте: “Мне есть что-нибудь?” Нет! Настроения никакого» [13, с. 274]. И, наоборот, – с нескрываемой радостью Высоцкий пишет о каждой вновь полученной весточке от семьи: «Девять дней не было от тебя ничего. Передумал черт-те что... Сегодня наконец получил твое письмо и все стало на место» [13, с. 254]. Письмо в условиях вынужденной дистанционности коммуникантов приобретает для Высоцкого особую ценность как способ поговорить по душам, высказать адресату свои заветные мысли и желания: «Наступил такой момент, когда испытываю я необузданное желание с тобой поговорить, хотя бы в письме» [13, с. 295]. Автор понимает всю степень условности подобного рода общения («Ну! Это не для письма» [13, с. 302]), однако принимает его таким. Присутствующие в отдельных письмах Высоцкого метакомментарии формируют у читателя представление о письме как способе ежеминутной фиксации событий жизни автора в целях передачи этой информации адресату: «Сейчас лягу спать, а потом встану и продолжу. Письмо получится длиною в несколько дней... Сейчас я прерываюсь. Пойду дышать...» [13, с. 300–301].

В письмах ученого и общественного деятеля Д. С. Лихачёва авторские метакомментарии свидетельствуют об отношении академика к своим письмам как преимущественно деловой корреспонденции: «Я послал Вам письмо относительно статьи Гр. Померанца – претенциозно-легкомысленной, которую печатать ни в коем случае нельзя... Письмо короткое, чтобы оно имело значение документа для Вас. Вы мое письмо можете показывать в нужных случаях (выделено нами. – А. К.)» [14]. Автору чрезвычайно важно также использование формата открытого публицистического письма, позволяющего поднимать актуальные социальные и нравственные проблемы. Об этом не раз ученый сам говорит в метакомментариях: «Для своих бесед с читателем я избрал форму писем. Это, конечно, условная форма. В читателях моих писем я представляю себе друзей. Письма к друзьям позволяют мне писать просто» («Письма о добром и прекрасном») [15]. Эпистолярная форма в дискурсе ученого, таким образом, приобретает концептуальное значение. Ценным становится представление о письме как простом по форме, но глубоком по содержанию процессе искреннего общения людей на разные темы (своеобразный авторский вариант «разговора по душам»), имеющем огромное

по силе прагматическое воздействие на всех участников. В тексте открытого письма «О русской интеллигенции» академик также привлекает внимание коллективного адресата к форме изложения своих рассуждений: «*Это – не статья, это именно письмо (выделено нами. – А. К.), в котором автор пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как обязывает говорить его собственный житейский опыт*» [16, с. 3].

Все без исключения авторы отмечают содержательное разнообразие ЭТ, определяющее высокую степень их аксиологической значимости. Так, В. П. Астафьев в одном из посланий к своему редактору А. Ф. Гремичкой пишет: «*Я тут что-то взялся читать письма из 14–15 томов и понял, как полно отражена в них жизнь наша и не только прошедшая, но и бредущая ныне. Шибко интересные есть письма (выделено нами. – А. К.)*» [17, с. 825]. Писатель относился к процессу эпистолярного общения весьма серьезно и ответственно. Как отмечает составитель и издатель эпистолярного наследия Астафьева Г. Сапронов, «*я сам был не раз свидетелем тому, как он, отложив свои литературные дела, разгребая завалы накопившейся почты, отвечал в день сразу на несколько писем. А иногда и само писание письма приносило ему удовлетворение – отвлекало от тяжкого труда, “переключало” что-то внутри, настраивая на дорогие воспоминания, на желание поделиться с близким человеком радостью, а то и огорчением*» [17, с. 7]. Авторские ремарки в письмах к разным адресатам позволяют почувствовать отношение автора к процессу общения посредством переписки: «*Тут и твое письмо. Укор мне еще один – не справляюсь с почтой и текучкой, да и с жизнью ужю едва справляемся – дети подгоняют, на плаву держат*» (В. Т. Невзорову) [17, с. 583]. В. П. Астафьев тонко чувствовал специфику эпистолярного общения: при всей отдаленности временем и пространством коммуниканты имеют возможность поделиться друг с другом самым сокровенным и потаенным. Сам автор в полной мере использовал этот потенциал ЭТ, о чем свидетельствуют суждения, встречающиеся в письмах к разным адресатам, например: «*Пиши почаще, а то ты сделался истинным столичным деятелем, отделяющимся телефоном, а телефон, он, что – поговорит да и замолкнет*» (В. Я. Курбатову) [17, с. 604].

Безусловно, аксиологическая характеристика эпистолярия определяется его ключевой функцией – коммуникативной, позволяющей причислять ЭТ к особой разновидности речевых произведений – «антропотекстов» (Н. Д. Голев). Об этом постоянно размышляют в своих письмах лучшие представители русской творческой интеллигенции.

Так, актриса театра и кино А. Демидова в одном из посланий к американскому профессору Тому Батлеру, своему адресату на протяжении долгих лет, замечает: «*Письма многое открывают*» [18, с. 8]. Эпистолярное взаимодействие, несмотря на разделенность коммуникантов городами и странами, становится внутренней потребностью каждого: «*Том! Как странно идет наша переписка. Вы – мой дневник. Когда я уезжаю, я оказываюсь в каком-то вакууме. Мне хочется поделиться увиденным, но не будешь же это рассказывать там живущим. В Москву писать бесполезно – письма не дойдут. Поэтому я вам и надоедаю со своими письмами*» [18, с. 25]. Письма актрисы глубоко личностны. Их тематическое своеобразие определяется иллюкативной установкой автора – поделиться с другом мыслями, эмоциями, ощущениями, которые возникают по поводу конкретных жизненных обстоятельств: «*Это я вам высказала мысли “вообще”, то, что приходит в голову на сегодняшней день*» [18, с. 131]. Алла Демидова расценивает эпистолярную коммуникацию как единственную возможность реализовать потребность (иногда – крайне острую) излить душу или поделиться впечатлениями, ощущениями в беседе с конкретным человеком, близким по духу: «*Конечно, странно писать письмо, когда можно снять трубку и поговорить, но – с другой стороны – по телефону не наговоришься*» [18, с. 134].

Константной чертой всех ЭТ представителей русской интеллигенции, проанализированных нами, выступает установка авторов на поддержание гармоничной коммуникации, которая в тексте может репрезентироваться различными способами. Приведем примеры из писем Д. Д. Шостаковича. Известного русского композитора, по мнению исследователей и современников, можно с полным правом назвать «эпистолярным человеком» (Л. Г. Ковнацкая). Аккуратный в переписке сам, Шостакович радовался малейшей весточке от друзей: «*Сегодня, возвращаясь домой, я думал написать тебе письмо, в котором в прямых и резких выражениях хотел упрекать тебя за столь долгое молчание. Но, к счастью, обнаружил, что ты не совсем забыл меня и написал мне. Спасибо. Самое ценное в твоём письме это то, что ты жив и здоров. Длительное отсутствие известий от тебя волей-неволей наводит на печальные размышления. А их и без того много. Так что я убедительно прошу тебя: несмотря на отсутствие вкуса к эпистолярно, хоть через силу, пиши хоть два слова*» (И. И. Соллертинскому) [19, с. 241]. В своем эпистолярно Шостакович использует речевые тактики, реализующие стратегию гармоничного взаимодействия коммуникантов: вербализацию благодарности адресату за участие в эпистолярном

диалоге, просьбы «*писать и писать чаще*», обоснованного извинения за долгое эпистолярное «молчание», плохое качество бумаги и т. д., этикетных высказываний в жанре *прощания, поздравления*.

Таким образом, на основе метакомментариев адресантов – носителей элитарного типа речевой культуры – видится возможным моделирование образа эпистолярного жанра и его аксиологической характеристики в аспекте синхронии и диахронии. В речевом сознании лучших представителей русской творческой интеллигенции XX – начала XXI вв. эпистолярный жанр занимает вполне определенное место, обладает высокой степенью значимости, опознаваемости, дифференцированности по отношению к другим жанрам, вызывает активную рефлексию носителей.

О сути и значении в целом для русской культуры и национального самосознания эпистолярного наследия великих людей хорошо высказался меценат, издатель-составитель писем Г. Сапронов. В связи с изданием переписки В. Астафьева и критика В. Курбатова («Крест бесконечный», 2002) издатель-составитель заметил: «...*переписка этих двух замечательных людей, за нас несущих крест бесконечных поисков причин бед и горестей, происходящих с нами, поисков ответов на вопросы, мучающие нас, будет важна не только литературоведам. Она будет важна, может быть, в пер-*

вую очередь простым людям, пока еще что-то читающим, над чем-то еще размышляющим в этой слетевшей со всех колес и опор жизни. И широкий читательский интерес к книге, не ослабевающий и по сей день (о ней по-прежнему говорят, спорят, цитируют ее авторов), подтвердил это» [17, с. 6].

Изучение проблемы аксиологической характеристики эпистолярия на основе метажанровых комментариев адресантов видится интересным направлением исследования в рамках различных наук: концептуальной жанрологии, интерпретационной лингвистики, лингвистической персонологии, функциональной стилистики, теории дискурса. Особую значимость рассмотрение данной проблематики приобретает сегодня, в эпоху значительной трансформации эпистолярного жанра: «В последнее время все больший интерес вызывают письма прошлых лет, написанные на бумажном носителе, которые дают представление не только об адресате и адресанте письма, но и об эпохе в целом, событиях, фактах, процессах, пропущенных через призму личностного отношения к ним. Сравнивая переписку прошлых лет и электронные послания XXI в., исследователи пытаются определить место эпистолярного жанра в современном обществе, опровергнуть либо подтвердить факт его существования» [20, с. 229].

Список литературы

1. Орлова Н. В. Культурная обусловленность динамики жанра // *Жанры речи: сб. науч. ст.* Саратов: Наука, 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 262–272.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // *Собрание сочинений в 5 т. Т. 5: Работы 1940–1960 гг.* М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.
3. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.
4. Курьянович А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике: моногр. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2013. 220 с.
5. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи: сб. науч. ст.* Саратов: Колледж, 1997. С. 88–97.
6. Курьянович А. В. Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin)*. 2009. Вып. 9 (87). С. 146–150.
7. Шаляпин Ф. И. Сборник материалов / ред.-сост. и автор коммент. Е. А. Грошева. Т. 1. М.: Искусство, 1960. 768 с.
8. Лотман Ю. М. Письма: 1940–1993 / сост., подгот. текста, вступит. ст., коммент. Б. Ф. Егорова. М.: Языки слав. к-ры, 2006. 800 с.
9. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 томах / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. Т. 6.: Письма. М.: Эллис Лак, 1995. 800 с.
10. Нестеров М. В. Из писем. Л.: Искусство, 1968. 452 с.
11. Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману (1907–1944) / сост. Н. В. Филиппова, предисл. И. И. Тучкова и А. А. Ярошевского; Архив РАН. М.: Наука, 1985. 272 с.
12. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1909–1940 / сост. Н. Ф. Филиппова, В. С. Чесноков; отв. ред. Б. В. Левшин; Архив РАН. М.: Наука, 2007. 299 с.
13. Высоцкий В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. Проза / ред. Т. Тимакова. М.: Время, 2011. 400 с.
14. Лихачёв Д. С. Письма 1986–1998 годов: «Память истории священна». URL: <http://www.nasledie-rus.ru>.
15. Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном / сост., общ. ред. Г. А. Дубровской. М.: Дет. лит., 1985. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pis_o_dob_i_prek.pdf.
16. Лихачёв Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // *Новый мир*. 1993. № 2. С. 3–9.
17. Астафьев В. П. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник. М.: Эксмо, 2012. 896 с.
18. Демидова А. Письма к Тому. М.: АСТ: Зебра Е, Полиграфиздат, 2010. 396 с.

19. Шостакович Д. Д. Письма И. И. Соллертинскому / предисл. Л. Г. Ковнацкой; подгот. текста Д. И. Соллертинского, Л. В. Михеевой, Г. В. Копытовой и О. Л. Данскер; коммент. и указ. О. Л. Данскер, Л. Г. Ковнацкой, Г. В. Копытовой, Н. В. Лившиц, Л. В. Михеевой и Л. О. Адр. СПб.: Композитор–Санкт-Петербург, 2006. 276 с.
20. Чеснокова И. А. Письмо-исповедь в рамках виртуального дискурса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 229–231.

Курьянович А. В., доктор филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 30.12.2013.

A. V. Kuryanovich

EPISTOLARY IMAGE IN CONSCIOUSNESS OF NATIVE SPEAKERS: EXPERIENCE OF AXIOLOGICAL AND METAGENRE DESCRIPTIONS (ON THE EXAMPLE OF REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN CREATIVE INTELLECTUALS OF THE XX–XXI CENTURIES)

The article deals with the creation of the image of the Russian epistolary on the material of the letters of linguistic personalities of elitist type of speech culture (M. V. Nesterov, F. I. Chaliapin, V. I. Vernadsky, M. I. Tsvetaeva, Yu. M. Lotman, D. D. Shostakovich, V. S. Vysotsky, V. P. Astafjeva, D. S. Likhachev, A. S. Demidova). Modeling of the genre image as part of the speech of native speakers of consciousness is carried out in the axiological with the help of metagenre comments of the listed addressees – the best representatives of the Russian creative intelligentsia of the XX–XXI centuries. It is concluded that in the minds of the speech of this type epistolary occupies a definite place, has a high degree of significance, recognizability, differentiation with respect to other genres, is an active reflection carriers. Contribute to this genre such properties as poly-and full-featured, polidiskursivity, multy-code, reproducibility, Plate Making build, and syncretism of different kinds of characteristics: content-themed polyphony, a variety of illocutionary author's installations, multiple categories of epistolary addressee in complex epistolary dialogism, diverse palette of language means representation of author's intent, varies stylistic markedness texts. Axiological characteristic epistolary determined by its key function - communication, allowing classing epistolary texts to a special kind of speech products – “antropotekstov” (N. D. Golev).

Key words: *epistolary genre, message as a text type, axiological aspect of consideration, metagenre comments, linguistic personalities of elitist type of speech culture.*

References

1. Orlova N. V. Cultural conditioning of the dynamics of the genre. *Speech genres: collection of scientific articles*. Saratov, Nauka Publ., 2007, vol. 5 Genre and culture, pp. 262–272 (in Russian).
2. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Collected works in 5 v. Vol. 5: Works of 1940–1960ss*. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).
3. Slyshkin G. G. *Lingvocultural concepts and metaconcepts*. Dis. doct. philol. sci. Volgograd, 2004. 323 p. (in Russian).
4. Kur'yanovich A. V. *Theoretical study of epistolary questions in modern linguistics: monografi*. Tomsk, TGPU Publ., 2013. 220 p. (in Russian).
5. Shmeleva T. V. Model of the speech genre. *Speech genres: collection of scientific articles*. Saratov, Kolledzh Publ., 1997. Pp. 88–97 (in Russian).
6. Kur'yanovich A. V. Functionalities of the epistolary discours as a special form of interpersonal communications. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2009, no. 9 (87), pp. 146–150 (in Russian).
7. Shalyapin F. I. *Collection of materials*. Compiled and ed. by E. A. Groshev. Vol. 1. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. 768 p. (in Russian).
8. Lotman Yu. M. *Letters: 1940–1993*. Moscow, Yaziki slavyanskoy kultury Publ., 2006. 800 p. (in Russian).
9. Tsvetaeva M. *Collected Works: in 7 volumes*. Vol. 6: Letters. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 800 p. (in Russian).
10. Nesterov M. V. *From the letters*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1968. 452 p. (in Russian).
11. *Letters of V. I. Vernadsky to A. E. Fersman (1907–1944)*. Comp. N. V. Filippova, foreword I. I. Tuchkov and A. A. Yaroshevsky; Archives of RAS. Moscow, Nauka Publ., 1985. 272 p. (in Russian).
12. Vernadsky V. I. *Letters to N. E. Vernadskaya. 1909–1940*. Comp. N. F. Filippova, V. S. Chesnokov; Ed. B. V. Levshin; Archives of RAS. Moscow, Nauka Publ., 2007. 299 p. (in Russian).
13. Vysotsky V. *Collected Works in four volumes*. Vol. 4 Prose. Ed. T. Timakov. Moscow, Vremya Publ., 2011. 400 p. (in Russian).
14. Likhachev D. S. *Letters of 1986–1998's "Memory of history is sacred"*. URL: <http://www.nasledie-rus.ru> (in Russian).
15. Likhachev D. S. *Letters about the good and the beautiful*. Comp., ed. G. A. Dubrovskaya. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1985. URL: <http://www.nasledie-rus.ru> (in Russian).

16. Likhachev D. S. *On the Russian intelligentsia. Letter to the Editor*. New World, 1993, no. 2, pp. 3–9 (in Russian).
17. Astafev V. P. *I have no answer...: epistolary diary*. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 896 p. (in Russian).
18. Demidova A. *Letters to Tom*. Moscow, AST: Zebra E, Poligrafizdat Publ., 2010. 396 p. (in Russian).
19. Shostakovich D. D. *Letters to I. I. Sollertinsky*. St. Petersburg., Kompozitor Sankt-Peterburg Publ., 2006. 276 p. (in Russian).
20. Chesnokova I.A. Letter of confession in the virtual discourse. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 1 (116), pp. 229–231 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru